

Другая сторона Бога

Независимая - 2005
- 3 авг. - с. 8

Андрей Гаврилов заново открывает музыку Шопена

Анна Ветхова

Пианист Андрей Гаврилов, осуществивший в 2001 году памятный «comeback» в Москву после 15-летнего пребывания в Европе, сегодня не планирует выступлений в столице. Музыкант по-прежнему живет в Швейцарии, а здесь последние два года появляется лишь с частными визитами. В нынешний приезд Андрей Гаврилов дал эксклюзивное интервью обозревателю «НГ».

Андрей Гаврилов считает, что метафизика музыки не передается посредством записи.

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

- Андрей, после того как вы разорвали свои отношения со звукозаписывающими компаниями, вы не выпустили ни одного альбома. Единственный проект, который мне приходит на память, - это запись Хорошо темперированного клавира Баха для Би-би-си, где вы не только играете, но и комментируете исполнение. Не возникло ли каких-нибудь новых идей в этом плане?

- Никаких. Я пришел к убеждению, что запись по-настоящему большой музыки при помощи современных технологий не приводит к желаемому результату. Музыка метафизична, она передается какими-то неизвестными нам способами. И в этом смысле мы еще находимся на очень низком цивилизационном уровне, чтобы технически осуществить передачу такого рода информации. Поэтому любая запись оставляет меня глубоко разочарованным.

Шопен дал нам в музыке то, чем мы хотим жить

В современной звукозаписывающей индустрии складывается забавная ситуация. На компакт-диске изначально скромное исполнение зачастую выглядит значительно лучше, чем самое великое музицирование. И это даже не печально. Это трагично.

- У меня тоже есть ощущение неправдивости записи. Я не раз ловила себя на том, что приличное исполнение на диске может обернуться полным разочарованием на концерте.

- Есть масса людей - хороших профессионалов, талантливых музыкантов, которые прекрасно используют ограниченность современных технологий и замечательно свои скромные возможности укладывают на звуконосители. А если бы в студию вошел величайший человек уровня Фуртвенгера, то из-под его рук сегодня вышло бы примерно следующее: все не вместе, слегка фальшиво, разболтанно и неубедительно.

- А отношение к планированию собственных выступлений вы не изменили? Концертный график по-прежнему составляете только на полгода вперед?

- Да, и это, конечно, доставляет промоутерам трудности, но

многие идут мне навстречу. Если ты честно относишься к искусству, то разве можешь с уверенностью сказать, какой композитор будет находиться в поле твоих пристрастий через три-четыре года? Планирование на год, на два года и больше, как это делается сейчас во всем музыкальном бизнесе, для меня категорически не возможно.

- И что будет происходить в вашей концертной жизни в ближайшие полгода?

- Мне предстоит очень активный график и довольно большая география выступлений. Я не удержался и нарушил свое табу по отношению к США. Меня пригласили сыграть очень

никогда не переходит границу безупречного вкуса. Если мы вспомним музицирование XIX века, то, начиная с послепушкинского времени, все мыслили категориями шопеновского языка. Но Шопен поднял дилетантское интеллигентское мироощущение до невероятных высот и масштабов, на истинно метафизический уровень, обобщив всю интимность одинокого, умного, тонкого человека. И если бы не он, то весь этот пласт - самый дорогой пласт человеческого переживания, мыслей, чувств и ощущений, самый тончайший, самый нежный - остался бы неоткрытым. Естественно, что играть Шопена безумно сложно, и я до сих пор не имел возможности проникнуть в его мир, поскольку не был готов к встрече с ним. Что греха таить: все обламывают себе крылья, когда серьезно сталкиваются с шопеновской музыкой, из-за нехватки внутренней красоты. Последние полгода я чувствую, что у меня появилась возможность играть Шопена. Может быть, потому что я по-настоящему полюбил людей - с чем раньше у меня были большие проблемы.

- Мне кажется, что тот мир, который создал Шопен, - то, как вы его прочли, - это мир ощущений и чувств, которые сегодня не читаются.

- Я не согласен. Это - вечное, это - мы, люди. Хотя удел тех, кто адекватен, конганиален шопеновской музыке по мироощущению, - это удел необыкновенного меньшинства. Но здесь нельзя говорить о каких-то временных тенденциях. Шопен - вневременной. Как любой настоящий гений, не он существует во времени, а время существует в нем. У философа Друскина, которого я не люблю, есть одна замечательная мысль: то, что нам дали гении, всегда существовало во Вселенной, просто нужен был пророк, который бы это открыл. Шопен показал нам ту сторону Бога, которую до него нам никто не мог показать.

- В Европе вы сыграли несколько концертов в честь Михаила Горбачева. Какие отношения вас связывают?

- Контакт у нас был всегда, с 1985 года, когда я уехал из

СССР, но через третьих лиц. Я человек очень щепетильный в отношении сближения с влиятельными людьми, когда они находятся у власти. Здесь существует очень много этических моментов, которые я не могу переступить, даже при большой симпатии к такому человеку. Поэтому наше сближение с Михаилом Сергеевичем произошло тогда, когда он стал частной персоной.

Действительно я сыграл ряд концертов в рамках замечательных торжеств, которые устраивает Европа в честь двадцатилетия перестройки. Там очень хорошо понимают, чем она явилась для мира. В России же эта тема вызывает только иронию, разочарование, цинизм или резкий негатив. На мой взгляд, это примитивный подход к истории последних двадцати лет, и люди, которые таким образом себя проявляют, вызывают разочарование и жалость.

- А для вас с чем связан этот период истории?

- Для меня начало перестройки - это конец Второй мировой войны. Люди, не отдавая себе отчета, называли холодной войной то, что на самом деле было продолжением Второй мировой. Незнание, когда и как все бы закончилось, если бы не Горбачев. А еще он вернул Россию в историческое пространство. Россия встала на путь исторического развития: она стала человеческой. После семнадцатого года до перестройки мы жили в Полифемовом царстве, где процветало всеобщее людоедство: тут не сильный пожирал слабого, что нормально, а все ели друг друга машинально.

Мне кажется, что человек, который единолично закончил два таких процесса - Вторую мировую войну и большевистский мажор, - должен быть в высшей степени почитаем. Как и происходит сейчас в Европе. А многие в России - и я понимаю этих людей - просто не в состоянии подняться над своими личными бедами и заглянуть чуть-чуть вперед, чтобы убедиться, что не Горбачев принес страдания, а те господа, которые, к сожалению, до сих пор здесь почитаемы вплоть до того, что даже улицы еще носят их имена.